

ЖЕНЯ КЛЁЦКИН

«нужно пойти в тёмный лес и ограбить там один банк»

(двухруссая пьеса в семи частях с эпилогом)

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ:

ЛИНДА
ПЕЧЁНКИН

В РОЛЯХ:

СТАРЫЙ ВИК
ЖЁЛТЫЙ БЭН, СИНИЙ БЭН
СОУС

статисты, изображающие ШПАНУ,
а затем и МАРГИНАЛОВ Техасского леса (3-4 морды).

1. ЖЁЛТЫЙ БЭН. СИНИЙ БЭН.

Двухрусные декорации. Верхний ярус - квартира Линды (прихожая и часть кухни). В огромном окне кухни виднеются девятиэтажки и верхушки лесных деревьев. В прихожей стоит молодая женщина, держащая в руках подзаряжающийся ноут.

Нижний ярус – Пьяный двор (металлическая дверь подъезда, лестница из которого ведёт прямо в квартиру Линды, лавочка под ивушкой, песочница, качели, дворницкая будка).

ЛИНДА. И вот я постепенно смирилась с невыносимым, до блеска ушлым, повторением очередного выходного дня. Вторая суббота подряд, когда придётся сидеть вечером дома и не грустить. Я не больна сифилисом, я не урод. Простая современная женщина – классическая дрейфующая одиночка, не имеющая никаких дел. Отвергнутая принцесса, девственный пляж перед бушующими волнами солнца! И, тем не менее, эта женщина сегодня одна. Неделю назад мне так же хотелось никого не видеть, остаться одной и заниматься приятными вещами. Никаких приглашений в шикарные рестораны, заманиваний в утомительные гости, никаких родственников и знакомых. Но, всё же, просто так вот, без упоительных развлечений в пустой квартире не просидишь. Непременно нужно выпить... Схожу в магазин за каким-нибудь алкоголем...

Линда кладёт ноутбук на пол, надевает чёрную косоворотку с крохотным значком Нейла Янга на груди, поднимает с пола сумочку с кошельком и внимательно всматривается в разбитое зеркало на стене прихожей.

ЛИНДА. Отражение слегка шокирует! Гладкие скулы, сексуальный лоб, пустые, окаймлённые унынием, глазницы и круглая таблеточка с мордочкой медвежонка, а вернее, с улыбкой дедушки-ковбоя в клетчатой рубашке. *(Вздыхает)*. Уж лучше бы я была кривым комодом или дамой с седой бородой.

Линда спускается по лестнице и застревает между ярусами. В пьяном дворе тусуется Жёлтый Бэн.

ЖЁЛТЫЙ БЭН *(не Линде, а куда-то себе под ноги)*. Суу! Сука! Катись к чертям собачьим! Удот конченный! *(Достаёт из кармана воображаемый мобильник, прикладывает к уху)* Алло, блять! Кто это, нахуй? Оу, Смерть! Да, это Жёлтый Бэн! Да, я, блять, нахуй! Ага! Э!... Не понял! Алло!... Я снова рад тебя слышать, Смерть!... *(Зрительному залу)* Пиздато я вчера со Смертью поебался!

Что ты несёшь? А! Скажите, пожалуйста, блять! Можно ли узнать, почему у меня одна штанина мокрая? Да потому что, я хотел сильно пописать, надевал штанишки, спешил, не мог терпеть, запутался, ну и пописал....

Линда выходит из подъезда.

ЛИНДА. Минуту, целую минуту, спускалась я по шустрой лестнице вниз, с каждой ступенькой осознавая необъяснимую испорченность предстоящего вечера. И вот он, как всегда - Пьяный двор. А вот и местный алконавт - Жёлтый Бэн. Еле стоит на ногах, опираясь на палку с набалдашником в виде ошейниковой кобры. А острым концом этой самой палки тычет в башню песочного кулича, возвышающегося из детской песочницы. ЖЁЛТЫЙ БЭН *(истошно)*. Мама, мама! Мурка убила птицу! Мурка убила птицу!

ЛИНДА. Сразу же вспоминаются те времена, когда лет десять назад я встречалась с парнем панком по кличке Соус. Этот мальчик сильно стремался наших бичей. К нему постоянно, с ежедневной периодичностью, доёбывались все эти алкаши и отъехавшие отморозки. Хотя сами же, в зелёной молодости, носили длинные патлы, собачьи цепи, банданы, косухи и слушали тяжёлую маргинальную музыку типа Гражданской Обороны или Сепултуры. Особенно, к зашуганному до смерти парнишке, приставал Жёлтый Бэн. Не то чтобы тот избивал Соуса, такого вроде и не случалось, но любимый заходил в мою квартиру на полном изводе, с трясущимися, как у школьника перед прививкой от кори, коленками.

Во дворе появляется Соус. Подходит к Линде.

СОУС. Хай, Линда!

ЛИНДА. Хай, Соусик! Сколько же лет ты не появлялся в этом дворе?

СОУС. Слушай малая, может сгоняем ко мне... Мне кореш вчера видеокассету с клипами Секторухи подогнал. Посидим там, вина выпьем...Просто, это...Родаки мои. На дачу отъехали.

ЛИНДА *(смеётся)*. Соус, ты сам отъехал! Какая кассета, какие радости. Я взрослая мадама, меня по барчеллам водить нужно...

Жёлтый Бэн внезапно обращает на них внимание, и быстрой пулей подрывается к Соусу.

ЖЁЛТЫЙ БЭН. Э! Малой! Это что у тебя? *(Указывает палкой на ирокез)* Плешь? *(Пристально рассматривает)* *(Линде)* Не, ну смотри! Реально плешь...И, чё, малы, это чё сейчас модно так, да? Плешь на голове? А вот если хуй сосать будет модно, ты у меня тоже постоянно отсасывать будешь?

Соус невнятно мямлит...

ЖЁЛТЫЙ БЭН. А? Малой! Будешь сасывать? Не слышу тебя?

Жёлтый Бэн сквозь окосевший взгляд беспробудного похмелья разглядывает мальчика с ног до головы, будто дикую обезьяну, затем резко дёргает его за волосы.

СОУС. Отъебись от меня!

ЛИНДА. Отъебись от него!

ЖЁЛТЫЙ БЭН. Тебе повезло, малой! Ещё раз в моём дворе увижу, получишь такой пизды! Но не от меня, понял? От Синего Бэна получишь!

Отпускает Соуса и уходит по своим делам.

ЛИНДА. Перепугался, малыш? Ничего завтра от Синего Бэна получишь пиздюлей...

СОУС. От кого?

ЛИНДА. От Синего Бэна. О, это ещё тот придурок. Жёлтым и Синий Бэны - устрашающий дуэт на районе, опаснейшие головорезы Дикого Запада на подмостках социальной быдлоутопии. Да ладно тебе, Панк! Не стремайся ты так! Подумаешь, разбойники с большой дороги! Это уже в прошлом. Вон, еле ходят от магазина до дома

своего...А Синего Бэна, уже не помню, когда и видела в последний раз. Наверное, на зоне чалит. Опять у бабки курицу украл.

СОУС. Мама, Мурка убила птицу!

ЛИНДА. Эй, ты чего, обфаканный?

СОУС. Прикинь, малая.

ЛИНДА. А помнишь, а помнишь, как мы у тебя в подвале клея нанюхались? Меня ещё слабо накрыло тогда. А после выпили по «ноль пятке» лидского пивка, и побежали на какой-то самопальный рок-концерт в Панораме?

СОУС. А потом я тебя провожал...И мы курили сигареты...Слушай может не домой, может поедем к Ежу на Слободу? У него батин сэм заныкан на балконе...

ЛИНДА. Не хочу я к Ежу на Слободу.

СОУС. Да ну! Чего?

ЛИНДА. Если честно, даже боюсь туда вечером темнотой такой ехать.

СОУС. Да ладно тебе...

ЛИНДА. А ты слышал, Соус, что недавно на Слободу одного мужика на кол посадили?

СОУС. Ну, слышал, только не на кол посадили, а ему, тому мужику, палку в жопу засунули.

ЛИНДА. Какая мерзость!

В самом дальнем месте Пьяного двора появляется персона Синего Бэна, медленно ковляющего к парочке.

СИНИЙ БЭН. Э! Патлатый! Стоять!

ЛИНДА. Соус, зацени! В каких чёрных, как африканская река Конго, спортивных штанах с салатовыми лампасами, Синий Бэн вышел тебя укокошить!

СОУС. От него исходит некое тайное сияние. Масти на теле светятся!

ЛИНДА. Пьяный апостол Новой Техасской Веры! Давай лучше в подъезд спрячемся. На вряд ли он код от домофона знает.

СИНИЙ БЭН. Стоять! Вам всем пизда от меня!

Линда с парнем прячутся в подъезде, но выглядывают через маленькое окошко в двери. Синий Бэн подбегает и оголтело колошматит по ней.

СИНИЙ БЭН. Э, малые! Кэннибал Корпз не умрут – автобус не уедет!

ЛИНДА. Синее Чудовище! Синее Чудище!

СОУС (*пищит электронным голосом*). Следующая остановка - Багратиона! Автобус едет до Универсама! До Универсама!

Синий Бэн отходит от двери и падает в лужу у подъезда.

СИНИЙ БЭН. Ещё раз на районе моём увижу – пизды получите, панки ебанные! Не от меня получите! От Жёлтого Бэна!

Поднимается из лужи. Уходит, поглядывая на двери, к своему подъезду. Скрывается. Из дверного окошка видно, как Соус тычет Синему Бэну гордое «fиск», а Линда хохочет и строит противные глазки. Но выходит на улицу одна.

ЛИНДА. Мы ещё долго потом прикалывались: что, если мы, хорошие, когда-нибудь встретимся сразу с двумя Бэнами - и с Жёлтым, и с Синим, нам в таком случае точно несдобровать...

На лавке под ивушкой собираются малые гопники, наблюдают за Линдой. Один из них встаёт, подкрадывается и оглушительно орёт в Линдино ухо.

ШПАНА. Слышишь!

Остальная ШПАНА. Да, это дождь стучит по крышам!

Линда дёргается.

ШПАНА. Гыгыгыгыгы-бугага!

ЛИНДА. Сборище отмороженных малолеток! Брешите, собаки!

ШПАНА. Эй, мадам, пожалуйста к нам. В подвал ходим, вина выпьем, интересными вещами займёмся, на мотоцикле прокачу!

ЛИНДА. Где-то я уже слышала и про подвал, и про «вина выпьем»! Сосите, малыши!

Спокойно проходит через всю шпану в сторону магазина.

ШПАНА. Пиздатая тёлочка. Жопа ничего.

остальная ШПАНА. Пиздишь, старая тётка уже...

2. ИСТОРИЯ ЗНАКОМСТВА ЛИНДЫ И ПАВЛИКА В ПЬЯНОМ ДВОРЕ.

Те же декорации. Линда вернулась в квартиру.

ЛИНДА. Купила в магазине бутылку белого «Aligote», обожаю такое. Пакетик анчоусов и грамм триста пряного сыра. Ну и отлично... так на чём я остановилось то? Ах, да... После того, как мы с тем неформалом расстались (кроме нескольких взрослых поцелуев и незначительных зажиманий у нас не произошло ровным счётом ничего серьёзного), а после одного неприятного случая и вовсе забросила такого рода приключения. Окончила спокойно школу, поступила на факультет анализа и статистики, неистово похорошела, но считалась нелюдимою. Мало с кем общалась в университете, да и в общаге не слыла закадычной подружкой-болтушкой. А через определённое время вернулась в родной город. Родители, в наследство, оставили мне двухкомнатную квартиру в Пьяном дворе, где, собственно, их девочка и провела всё своё счастливую юность... Даже шпана местная почти не трогает... Ну бывает, постебуются немного. Так это они над каждым... Маленькие ещё, боятся. Но, неоспоримо, борзые и наглые! Через пару лет начнут спиваться, всех ненавидеть и пиздить! Ай, ладно! Ну их в баню!

Что-то я совсем растерялась. Не стоило ходить в этот магазин за вином. Напрасно всё! Делать абсолютно нечего, да и напиваться не хочется.

Линда берёт лежащий на полу кухни ноут, переносит его на стол, и начинает искать на «венике» фильмы.

ЛИНДА. Ну что. «Бал вампиров» Полански? Или «Похититель тел» с молодым Бела Лугоши в роли импозантного могильщика? Ай, я их видела тысячи раз. Нужно открыть

бутылку вина. Ёлки-моталки, штопора нету. (*Ходит по кухне открывает шуфляды и шкафчики*) Вот они! Молоток! И ключ от подвала – стальной стержень с нелепой грибной шляпкой. (*Пробует открыть вино*) Бля, пробка сильно раскрошилась! Придётся выцеживать через бинт... В бокале, словно щепки от трухлявого пня, плавают гадкие лодочки. Недурно. Белое вино со вкусом медицинского кабинета и кусками гнилого дерева. Хорошо, что анчоусы и сыр пахнут вполне естественно. Ням. Нужно покурить.

Линда закуривает, ставит на окно пепельницу. В Пьяном дворе появляется Паша Печёнкин, подходит к двери подъезда и звонит в домофон. В квартире раздаётся звонок. Женщина подходит к глазку.

ЛИНДА. Мужик какой-то. Худой незнакомый мужик. Выглядит до жути странно. Гипнотические карие глаза. Пустой, мраморный взгляд, замшевая куртка, серые тапочки... Квартирой ошибся, скорее всего... Сейчас открою...

Нажимает на кнопку. Павел открывает дверь, поднимается по лестнице. Линда пускает его в квартиру.

ПЕЧЁНКИН. Дико извиняюсь, девушка. У тебя есть уксус?

ЛИНДА. Да, конечно. Проходите. Сейчас на кухне посмотрю. Извините.

ПЕЧЁНКИН (*проходит в кухню*). Никогда не называй меня на Вы. Ты! Иду на Ты, иду на Вы! «Врагам сказал: «Иду на Вы!», сию померкнувшую славу творите северные львы...» «Ассу» смотрела?

ЛИНДА. Нифига себе! Кто-то в этом городе ещё помнит и знает такой фильм? Смотрела, смотрела.

ПЕЧЁНКИН. Иду на Вы, иду на Ты...

ЛИНДА. Стояночка. А вы, то есть ты, из какой квартиры? Что-то я тебя не припоминаю? Сигарету?

ПЕЧЁНКИН. Тонкие, петушиные эти, не курю. У меня свои... (*Закуривает свои*)....

Это я тебя не припоминаю и первый раз здесь вижу. Всю свою жизнь, можно сказать, тут прожил... Меня, тринадцатилетнего пацанёнка, сюда и привезли на новую хату! Вокруг – мрачный Тёмный лес, несколько мерзких домов и стройка, стройка, стройка... И больше ничего! Эвдемонистическая пустота! Я на улицу вышел прогуляться, а тут ко мне черти постарше, опасные, подваливают. И сразу спрашивают: «За Техас пойдёшь с нами пиздиться?» Я и не понял сразу, что они хотели. Какой «Техас»? Что «Техас»? Но драться пошёл. Махались тогда всем, чем можно: и цепями, и битами, и ножами! Горку в лесу видела? Стрельбище бывшее? Так ту гору все техасские, кто за район тогда ходил, полностью, как муравьи, обсадили, чтобы сфотографировать наше непобедимое величие... Ты про Старого Вика слыхала? Балаганова?

ЛИНДА. Из «Золотого телёнка» что ли?

ПЕЧЁНКИН (*смеётся*). Ну ты, малая, даёшь!

ЛИНДА. Господи, ты выглядишь настоящим демоном безумия. Слова твои звучат отстранённо, но, всё же, материально ощутимо. Алчное прикосновение мочек ушей к драгоценным камням, грубые касания тихого ветра к суровой панельной акустике... Боже мой!

ПЕЧЁНКИН. Старый Вик на Техасе основным был, смотрящим. Неправильных людей на огромнейшие бабки ставил. А не плативших и сопротивляющихся - вывозил на своём чёрном мерседесе. В багажнике! Связанных! В лес! Слушай, ты же в курсе, что у нас ментовское государство, да? А что на планете только малая горсточка людей воистину

понимают происходящее, и вертят остальными, как целку на ниточке? Так вот, к сожалению, мы с тобой к последней категории и относимся...

ЛИНДА. Держи свой уксус и уёбывай отсюда. Понял?

Павел выкидывает окурок в форточку и уходит из квартиры.

ЛИНДА. Дурачок какой-то! Чокнутый персонаж! Умалишённый! Напугал меня сильно...

Допивает остатки белого вина из бокала, закрывает крышку ноута. За пределами спокойной обстановки раздаются бравые звуки вечерней грозы.

ЛИНДА. Всё! Никаких фильмов на сегодня, никаких кошмаров! Где мой «фундизол»?

Садится на пол кухни, натирает пятки, старательно растерев мазью уставшие ступни. В дополнение к её страхам и незаслуженному solitude, ей ничего не остаётся, кроме как выключить во всей квартире свет, запереть на все замки скрипучие двери, и улечься спать на паласе в прихожей. Не забыв, при таком раскладе, демонстративно надеть тёмные очки.

ЛИНДА. Вот в такие моменты мне, как никогда, не хватает бравого мужского тепла и тела.

Стук в дверь. Не звонок, а стук! Линда подходит к двери.

ЛИНДА. Кто там?

ПЕЧЁНКИН (за дверью). Это сосед! Я у вас уксус брал! Откройте, пожалуйста! Мне страшно!

Линда быстро открывает дверь. На пороге Павел.

ПЕЧЁНКИН. Пустите меня, пожалуйста, мне страшно!

ЛИНДА. Ты грозы что ли боишься?

ПЕЧЁНКИН. Можно я у вас останусь? У меня кошка в квартире птицу убила...

3. НЕСПОКОЙНАЯ ПОМОЛВКА.

Два яруса. Верхний - хижина Печёнкина. Построена из соломы и рисовой шелухи. Четыре плотные волосяные панели составляют стены. Пол - насыпь острых камней из морского дна. На тыквенной тумбочке смотрит на, спящих на матрасе, Павлика и Линду, рамка с портретом комика Сергея Дроботенко. Линда лежит в тёмных очках.

Нижний ярус - Пьяный двор (в котором помимо бездействия возможно некое действие, или Бэны гоняются за Соусом, или бесстыже чудит шпана)

ПЕЧЁНКИН (вскакивает с кровати после страшного сна). Хвала, Хвала! Хвала Владыке Потустороннего! О, Старый Вик! Хвала тебе, мой друг!

ЛИНДА. Опять! Я люблю тебя, Павлик Печёнкин!

ПЕЧЁНКИН. Отойди от меня, Сатана!

ЛИНДА. Ну какая же я тебе сатана? Я твоя любимая крошка. Твоя лапочка Линда. Я пеку тебе пироги из кокосовой скорлупы, пою на ночь ласковые колыбельные про высохшее море и песок, про хитрые дороги и дремучих птиц-пеликанов. Правда, Дроботенко? Ну, когда же всё это закончится, Печёнкин? Каждую ночь тебе снятся идиотские сны! А портрет этот (*указывает на Дроботенку*), что здесь делает?

ПЕЧЁНКИН. Прости меня, моя хрюшечка! Я тебя в сумерках и не признал... Кошмары эти не дают мне покоя. Я уже и нервничать начинаю и задумываться... Извини меня, любимая! А портрет этот от бабки покойной моей.

ЛИНДА. Весёлая у тебя бабушка, Павлик!

ПЕЧЁНКИН. Алкоголичкой, светлая ей память, была. В середине девяностых переквалифицировались наши бандиты местные в чёрных риелторов. Ездили по городу, по дворам, выведывали, где живут наркоши или опустившиеся алкаши. Приезжали мородовороты к таким, накрывали поляну, как вариант, наркоту коробами дарили, а затем квартирки у них и отжимали. Так вот и мою бабушку напоили, сколько там ей надо, отпиздили и заставили подписаться в документах. Всё! Чюз! Хата в проёбе!

ЛИНДА. Как так?

ПЕЧЁНКИН. А вот так. Я из армии вернулся, а здесь на этом флэту, уже другие люди живут. Другая семья. Уехала ваша бабка, говорят, на вёску. Продала хату. А у меня прописка у другой бабки... Ну я конечно, через пацанов, через знакомых разузнал-выведал, кто там и как.

ЛИНДА. И кто же в этом городе таким скотством занимался?

ПЕЧЁНКИН. Старый Вик.

ЛИНДА. Но ты же...

ПЕЧЁНКИН. Пришлось мне мстить. Дерзко мстить...

ЛИНДА. Расскажи...

ПЕЧЁНКИН. Да, чё там рассказывать, приехал я к Старому Вику, и говорю такой, если с новыми жильцами не договоришься, не выселишь их, и бабуку мою назад не пропишешь, я тебе яйца откручу! Вик посмеялся, приказал своим шавкам избить меня и убить. Но я выжил после ранения, притворившись мёртвым, убежал и какое-то время скрывался. А потом закрыли эту банду, разузнали про тёмные дела все. Выделило правительство нам с бабкой государственного адвоката из конторы, и отсудили мы квартиру. Бабка пьяная так и не поняла, что с квартирой и на суде том происходило. А я её снова в город вернул...

ЛИНДА. Мой герой! Иди ко мне. Не признал он меня в сумерках...

ПЕЧЁНКИН. Просто в этих чёрных очках ты и вправду похожа на этих, как его... на сатанистов! Я одного никак не могу понять, хоть я уже не мальчик. Зачем вы носите эти огромные, эти устрашающие солнцезащитные очки?

ЛИНДА. Успокойся, мой тюльпанчик. Все женщины нашей семьи спят в очках. Их не ни в коем случае нельзя снимать. В нашей стране это строго запрещено.

ПЕЧЁНКИН. Всё равно ничего не понимаю я. Не хочу тебя обижать, но в них, иногда в постели, ты пугаешь меня.

ЛИНДА. Спи, Печёнкин, засыпай! Завтра тебе предстоит много дел.

ПЕЧЁНКИН. Я уже боюсь и к кровати подходить с такими снами.

ЛИНДА. Ладно. Давай выкладывай, кто там, Пашеньку моего, во сне обижал?

ПЕЧЁНКИН. Я, Павел Печёнкин, отрок тринадцати лет, безобидно развлекался на деревенском озере, ныряя за водяными белочками и галочками. Из-за Дубовой горы вышла пара Маргиналов! Все в чёрных гольфах, чёрных узких джинсах, с длинными до пояса прямыми волосами цвета тёмной сливы! Руки и ноги у них очень смешно болтались, как крылья у наседок куриц и беснующихся фавнов. А вот что происходило с их глазами!

Чёрные круги без зрачков похожие на твои очки! Тёмные осколки в калейдоскопе утопленника! Брррр! Один маргинал, самый страшный, с дырявым башмаком на голове и изумрудной клипсой в ухе, спускался прямо к воде. Второй поднял обе руки к небу и начал беззвучно открывать рот. Но разобрать ничего не получалось. Где-то в глубине зарослей леса раздалась странная музыка, а точнее – красивая необычная мелодия. Играли на фляжках и кастрюлях. Глухой неритмичный грохот изначально сбивал столку, но красивый мотив томно обволакивал сознание, медленно гипнотизируя и завораживая. Там-блям-раз-два-три-пять! Там-блям-восемь-девять! Я глядел на действия Маргиналов с открытым, от животного ужаса и непонятого удовольствия, ртом. Страшно интересно! Маргиналы пристально уставились на меня. Может увидели меня голого, но скорее всего они хотели мне что-то сказать!

ЛИНДА. Ты кричал: «Эй, мальчик! Убегай ко мне!»

ПЕЧЁНКИН. Это кричал пожилой мельник на противоположном берегу.

ЛИНДА. Давай шустрее! Прячься сюда, в кокосовую мельницу! Я здесь! Это Маргиналы из Тёмного леса. Они покалечат тебя и заберут к себе! Беги, мой милый! Удирай же от них!

ПЕЧЁНКИН. Что-то типа того... А я не знал, что делать и не мог просто так сдвинуться со своего места. Бежать в убежище к мельнику, или остаться стоять и быть схваченным патлатыми мертвецами? Мельник махал мне накаченной рукой, словно грёб воздух над головой. Тощие Маргиналы негативно испепеляли своими чёрными зрачками и, по-рыбьи, беззвучно открывая рты, пытались губами произнести: «Дорога твоя нарекается блудом, Павлик! Бесконечная Тьма воссияет в глазах твоих!»

ЛИНДА. Дорога, твоя нарекается блудом, и что там дальше?

ПЕЧЁНКИН. Бесконечная Тьма воссияет в глазах твоих!

ЛИНДА. Чтобы это значило? И что ты об этом думаешь, Печёнкин?

ПЕЧЁНКИН. Да чушь какая-то! Думаю, мне враги старые мстят этими снами! Жаждают меня в пушистый гроб свалить. Но ничего! Я нас двоих защищу! Я мужик здоровый!

ЛИНДА. Враги? С Пьяного двора что ли? Ты серьёзно?

ПЕЧЁНКИН. Нынче гавайские технологии рассекретили, которые могут человека снами детскими пугать! Но у меня и без этого проблем хватает. Работа опасная. Да и у корешей моих дела нынче худо пошли.

ЛИНДА. Сейчас везде кризис.

ПЕЧЁНКИН. Президент недавно указ об амнистии подписал. Многие уже вернулись наши. Со Старого Техаса. Наезжают. В бизнес снова подсосаться хотят. Угрожают моим...

ЛИНДА. О, боже, Павлик! Нам нужно срочно отсюда уезжать. Мы уедем из этого Пьяного двора. Сделаем визы. Ты оставишь работу, улетим хоть в Бразилию! Венчаемся там, сыграем пышную свадьбу. Нет, свадьбу лучше здесь, перед отъездом. Родим там деточек. И умрём в солнечной старости! Слушай, а старый Вик, тоже амнистирован? Может это он тебя снами пугает?

ПЕЧЁНКИН. У меня тьма врагов! Ты всё правильно говоришь, съёбываться нужно! Только на мне долг висит 30.000 евро. Я не смогу уйти с работы, не вернув его. Ну, никак. Меня точно люди шефа уберут.

ЛИНДА. Паша! Ничего себе у тебя долг! Пиздец!

ПЕЧЁНКИН. Да и потом для документов, Бразилии, свадьбы и детёночка сперва тоже бабки солидные нужны... Пстой! Всё верно! Мы ограбим банк.

ЛИНДА. Не поняла?

ПЕЧЁНКИН. Ты сейчас спустишься в свою квартиру, соберёшь все вещи, ноут, поднимешься назад ко мне. Мы позавтракаем и на машине отвезём вещи к твоей тётке в

деревню. Вернёмся в город. И ограбим в лесу один банк. Только не перебивай меня. Мы ограбим банк, а после с готовыми документами и деньгами на частном самолёте перелетим океан.

ЛИНДА. Я не хочу оставаться в квартире, в которой манипулируют чёрные риэлторы, спивают и избивают стариков! Я не хочу жить в городе, где твоего мужчину могут убить и пугать страшными снами. Я не хочу жить в стране, где в семьях заставляют спать в чёрных очках! Бежать! В Бразилию! Грабить банк и бежать!

ПЕЧЁНКИН. Или лучше давай хаты наши продадим? Я хотя бы долг верну. А потом - грабить банк!

ЛИНДА. Нужно обрезать все твои криминальные связи! Продать квартиры будет слишком паливно! Нас быстро вычислят! Поверь, со старыми порядками тебе здесь не выжить! Мы погибнем, Павлик, погибнем! Короче, я собираю вещи, ноутук, прихожу к тебе, а за завтраком обсудим наши алиби и подробности действий!

ПЕЧЁНКИН. Линда, послушай! Линда, пару секунд...

ЛИНДА. Нужно поторопиться!

ПЕЧЁНКИН (*достает из-под подушки коробочку с кольцом*). Дорогая, ты выйдешь за меня?

ЛИНДА (*плачет*). Павлик! Ну, конечно, да!

ПЕЧЁНКИН. Это камень Кадайха! Я люблю тебя, поросёночек!

4. «ШИКАРНАЯ» СВАДЬБА ПЕЧЁНКИНЫХ

Утренний рассвет в ресторане «Эмилия».

Нижний ярус ресторана - огромный зал, где за свадебным столом в одиночестве сидят Линда и, опускающий клюв, Павел. Теперь они оба - Печёнкины. Линда в строгом чёрном платье с пунцовой розой, на шляпке - элементы серой фаты, Павлик - в синих очках и смокинге....

Верхний ярус - крыша и подсобка ресторана.

Гости разошлись. Официанты спят на кухне...

ЛИНДА. Гости разошлись. Официанты, наверное, спят на кухне под столами... Эх, всё хорошее быстро заканчивается. Тамада поехал баян свой зашивать! Ха, ну не прекрасно ли? Эй, Печёнкин. Ты что уснул?

ПЕЧЁНКИН. Я не уснул. Я всё помню, жена моя! Сначала - первая брачная ночь в мотеле, потом грабить лесной банк!

ЛИНДА. Печёнкин, сколько ты выпил за свадьбу? Ты ж бухой ещё!

ПЕЧЁНКИН. Я не бухой, поросёночек!

ЛИНДА. Проebали мы по времени нашу первую брачную ночь. Да и хуй с ним. У нас с тобой этих ночей тысяча и одна проведены... Одной больше, одной меньше. Время, Печёнкин! В окно посмотри.

ПЕЧЁНКИН. Сколько времени?

ЛИНДА. Пять утра.

ПЕЧЁНКИН. В принципе успеваем. Так. Почти всё готово. Осталось заехать к Водяному за стволами, но это нам по дороге. Документы и кейсы у меня в машине. До Тёмного Леса добраться полтора-два часа хватит. Во сколько открывается банк?

ЛИНДА. В восемь.

ПЕЧЁНКИН. Тогда в дорогу. Слушай, Линда, а у нас осталось что-нибудь выпить? Я всё равно не протрезвел, за руль - тебе придётся. О, шампусик. За нас с тобой! За самую лучшую свадьбу в Пьяном Дворе!

ЛИНДА. Выпей, выпей Печёнкин! Храбрее будешь!

ПЕЧЁНКИН. А помнишь, как тамада напоил цыган?

ЛИНДА. Ага! А цыгане хотели у твоей бабки, у которой ты прописан, не та что пьяница, у другой, стырить ожерелье!

ПЕЧЁНКИН. А тёща! Тёща подарила нам....Даже не сервиз, не полотенца, соковыжималку!

ЛИНДА. Не переживай, любимый мой. Осталось за малым. Уже через сутки мы будем в солнечном Рио! Мы будем спать до вечера, а потом шалеть на ночных пляжах! Мы будем напиваться во всех барчеллах и клубах!

ПЕЧЁНКИН. А потом поедem на коралловый остров воспитывать детей и заниматься хозяйством!

ЛИНДА. У нас будет много денег...

ПЕЧЁНКИН. Батя твой крёстный, как танчил под Оникс, рубашку красную на себе порвал. Цепочку с крестиком свою жевал.

ЛИНДА. Хорошо, что заплатили на сутки вперёд за ресторан. Я так не хотела в мотель ехать. Здесь спокойнее!

ПЕЧЁНКИН. Здесь столько бухла!

ЛИНДА. Так, я сказала! Пора собираться в путь...

ПЕЧЁНКИН. А мужик, мужик, тот с бабочкой! Ты, наверное, с подругами курить выходила..Взял со стола «текиллу» и давай дружину мою обливать и солить...Это ж пиздец, ваще, блять! Впрочем, зачем мы себя обманываем и придумываем эти приключения. Гостей-то ни души здесь не было, как и подарков, и свидетелей, и ксендза. Кстати, жена, нужно было, действительно провести свадьбу в Пьяном дворе. Накрыть для бичей наших поляну. Купить тонну паливного спирта и нажарить им котлет из отрубей, кожурок, копыт и лёгких! Пацана какого-нибудь с гитарой позвать, чтобы песни юности ебашил. Чтобы все поужирались, блевали и сдыхали от остановки сердца...Блин, отличная же идея. Жаль, скрываемся, можно было и организовать.

ЛИНДА. Бэнов в свидетели и до костёла на венчание, чтобы бабки все поахуевали... Пашка, я ни капельки не жалею, что свадьба прошла в строжайшем секрете. Нам никто с тобой не нужен, любимый!

Печёнкин подходит к диджейскому пульта и включает хит группы Лесоповал «Белый лебедь». Парочка кружится в танце.

ЛИНДА. Пора собираться в путь...

Павел целует жену.

Через подсобное помещение по лестнице в зал ресторана проникает Старый Вик.

СТАРЫЙ ВИК. Вот, дураки! Даже близких своих не позвали. Ладно там Старого Вика и братву...Веселье должно быть наполнено живыми людьми, а не призраками и выдумками. Свадьба глупых мертвецов на ресторанном кладбище...Вот, чёрт, на косточку наступил...

Подходит к пульта и выключает песню.

ЛИНДА (*Вику*). Кто вы такой, папаша? Ресторан закрыт до вечера.
ПЕЧЁНКИН. Обожди, поросёночек! Это же Старый Вик! Вик, какого чёрта?
ВИК (*хрипит*). Спокойно...Я хочу поздравить законных супругов со значительным моментом вашей жизни, пускай вершатся судьбы ваших будущих поколений!
ПЕЧЁНКИН. Спасибо, Вик, если ты насчёт долга, то...
ВИК. Не перебивай меня. Я уже заезжал к тебе, в Пьяный двор, около полуночи, чтобы поздравить! Но не застал. Вы, так сказать, лишили меня такой благородной возможности. И вот- разыскал вас, чтобы повторить попытку...Итак, желаю вам, молодые, чтобы пути ваши обходили блудливые дороги и кривые просеки.
ЛИНДА. Дорога твоя нарекается блудом, Павел!
ПЕЧЁНКИН. Вик, через пару часов я привезу тебе те деньги. Прости, к свадьбе готовились! Слышишь меня?
ЛИНДА. Бесконечная тьма воссияет в глазах твоих!
ВИК. Я жду, Павлик. До скорых встреч!

Меркнет свет.

5. ПОБЕГ С МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

Нижний ярус - опушка Тёмного леса. Времени - около полудни, но в гуще леса очень мрачно. Скрипят тонкие осины, шипят птицы. Вдалеке слышатся звуки преследований. Выбегают Печёнкины. Они бледны и испуганы, в помятых свадебных нарядах. Линда - с мешком и серебряным кейсом, Павлик - с двумя двустволками и золотым кейсом. Верхний ярус - заросли и томные деревья с почерневшими и заросшими пакостью стволами.

ПЕЧЁНКИН. Вроде как, оторвались. Ты в порядке, любимая?
ЛИНДА. В порядке, Печёнкин. Слушай, почему мы грабили без масок? Нас опознают и схватят! Мы никуда не улетим! Все ориентировки с нашими ебальниками давно расклеены на каждом фонарном столбе.
ПЕЧЁНКИН. А за чем они были нужны? Мы улетаем частным авиарейсом! Через несколько часов мы будем в Рио. Там другая жизнь, другие дороги.
ЛИНДА. Нас схватят и посадят на электрические стулья.
ПЕЧЁНКИН. Успокойся. Совсем скоро в нашей стране отменят смертную казнь.
ЛИНДА. Я боюсь! О, боже, у нас столько денег. Что дальше по плану?
ПЕЧЁНКИН. Нужно сейчас разделиться. Я поеду к Вику отдавать долг. Он ждёт меня в западной части лесопарка. А ты пробежишь по той тропе вниз, повернёшь у болота, со стороны стрельбища, и около еврейского памятника тебя заберёт мой человек. Встретимся на заброшенной ферме. Там в специальном ангаре нас ждут пилот и, летящий на райские небеса, аэрокорабль!
ЛИНДА. Паша, а почему Вик приехал в ресторан? Никто же не знал про наше бракосочетание. Почему он говорил, что искал нас у тебя на квартире? У нас там должна была состояться первая брачная ночь, Печёнкин!
ПЕЧЁНКИН. Мы прилетим в самый разгар карнавала! Мы будем танцевать сутки напролёт в масках!
ЛИНДА. Ты изначально, не планировал отдавать Вику долг?

ПЕЧЁНКИН. Я не нашёл 30.000 баксов до свадьбы. В этом кейсе как раз половина долга. Он ждёт меня...

Я люблю тебя.

ЛИНДА. Я тоже тебя люблю. Но мне кажется – это был самый худший день в моей жизни.

ПЕЧЁНКИН. За то, больше никаких дурацких кошмаров и снов! Вместо этого, мы будем вечно счастливы! Если ты, про ограбление, не переживай. Всё прошло на ура! Если бы не этот конченый седой кассир...

ЛИНДА. Я слышала, что он сказал тебе в конце ограбления... О, боже, мы ворвались в лесной банк. Прямо с ресторанной попойки. Все измотанные и пьяные. Я еле вела машину. У них банк – чуть больше моей кухни, Печёнкин. Но внутри - всё из дуба: и столики, и кассы, и счёты! Красота какая! У меня был стресс, а я восхищалась помещением, подумать только! Павлик! А люди! Там и людей почти не было. Старуха в траурном платье и два её племянника. Они сразу всё поняли и послушно легли на пол... Я растерялась и крикнула им, чтобы заткнулись. Хотя они не вымолвили ни слова...

ПЕЧЁНКИН. Если бы не мудачьё-кассир, всё бы прошло гладко.

ЛИНДА. Если бы ты не стрелял в него, он бы нажал кнопку.

ПЕЧЁНКИН. Я выстрелил из-за его скверного языка... А кнопку он перед этим успел уже нажать. Ты думаешь, я просто так его убил бы? В девяноста пяти ограблениях из ста служащие банков нажимают кнопки тревоги, из них - двадцать девять ограблений оказываются в статусе предельно успешных. Но его фраза, она взбесила меня.

ЛИНДА. Павлик!

ПЕЧЁНКИН. Он выложил все деньги в этот мешок. Наполнил все кейсы в денежном хранилище. Улыбнулся, моргнул и громко мне заявил: «Эй, Павлик! Убегай ко мне!».

ЛИНДА. О, боже. Так говорил пожилой мельник из твоих сновидений.

ПЕЧЁНКИН. Почти дословно! Я не мог не выстрелить. Нервы сдали в последнее время, я сам не свой от этих всех событий!

ЛИНДА. Ты хочешь оставить меня одну? А если я заблужусь и не найду еврейский памятник?

ПЕЧЁНКИН. Всё будет хорошо, Линда! Это совсем близко!

Голоса в тёмном лесу: «Смотрите тщательнее! Они где-то здесь!».

ЛИНДА. Паша! Нас схватят!

ПЕЧЁНКИН (*прислушиваясь*). Они ещё далеко. Линда, любимая, всё пройдёт идеально! Верь мне! Послушай, на всякий случай возьми вот это... (*протягивает потрёпанную общую тетрадь*)..

ЛИНДА (*листает тетрадь*). Дневник? (*Читает*) «Дневник Павла Печёнкина. Приключения в стране маргиналов.» Что за...?

ПЕЧЁНКИН. Это самое драгоценное после тебя, что у меня осталось, поросёночек! Уже год я веду эти записи. Пускай эта тетрадь останется у тебя.

ЛИНДА (*углубившись в чтение*). «Двенадцатое марта. Тайнство фонаря, скрытого за тёмными ветками сирени. Тяга к темноте. Я, Павел Ильич Печёнкин, склонен к темноте. В ней легче дышать и жить, в ней легче любить и заниматься сексом, в ней легче мечтать и свистеть... Какой отличный фонарь, какие душевные ветки, какое вкусное у Линды ушко. Мы высунулись из окна и поцеловались. Линда дотронулась до веток и погладила, не боясь возможного ожога, приятный луч фонаря. Я сказал ей: Дорогая, этот фонарь поставили на ветку совсем недавно...»

Да, я помню, эту фразу. Ты ещё сделал замечание, что в год экономии тот фонарь сэкономил твои силы.

ПЕЧЁНКИН. Тогда я так уставал, так уставал...

ЛИНДА (*продолжает читать*). «Двенадцатое июля. Таинство любви. Сегодня я познакомился с ней, одолжив деньги у Старого Вика. Отделив кроны от золотых, друзей от подонков. Я разлюбил Вика, я разочаровался в нём, познав все тайны и потеряв надежды в эпоху лесных взаимопониманий. Я пошёл спросить про уксус и встретил маленькую стрекозу, укрывшуюся от страха лиловым пледом отчаяния.

Седьмое августа. Таинство трезвости. Я ненавижу всех, кто пьёт. Я ненавижу бутылки и грязные закуски. Ненавижу тех, кто обманывает себя и считает грандиозным талантом своё ничтожное пьянство. Оправдывая его и раздражая меня, Павла Ильича Печёнкина, своим вишнёвым перегаром «амаретто».

Пятнадцатое августа. Таинство наваленности. Вечером в тёмную пятницу все закончили исполнять свой непризнанный рабский долг. Выпиваю стакан водяры, чтобы никому ничего не быть должным, и отправляюсь нарушать мировой порядок своими змеиными криками и танцами наобашенной цапли. Как сквозь воду смотрят исследователи нонконформизма на завоевателя авангарда. Как бараны на опущенного петуха, как черти на погасшее солнце... как лешие на карму дерева... Мне так приятно ебать вас всех под эту музыку, под эти бешенные рифы и ритмы. Ритмы и рифы воздуха и свободы».

ПЕЧЁНКИН. Кудых, дых дых дых дых дых дых!

ЛИНДА. «Шестнадцатое августа. Утреннее таинство деградации...» Ну всё правильно, это ты написал с бодуна.

ПЕЧЁНКИН. Как видишь...

ЛИНДА. «Я боюсь читать толстые книги и слушать диалоги в авторских фильмах. Мне страшно сопоставлять свои мысли с фразами гениальных людей. Я боюсь сравнивать себя с ними, боюсь деградировать и смириться с этим. Я ужасаюсь говорить с прохожими и слушать в диктофоне запись своего невнятного голоса. Но ей-то я всё выскажу. Всё выскажу, когда она протрезвеет...» Пашка, это ты про кого? Кому ты всё собирался высказать? Мне? Своей будущей жене?

ПЕЧЁНКИН. Своей совести... Это я писал про потерю её осязания.

ЛИНДА. Паша, мы только что ограбили банк, что за чушь ты меня заставляешь читать?

ПЕЧЁНКИН. Я пишу про потерю осязания моей совести... В задний проход вниз спускаемся мы. Шумной и резвой толпой. Дружно взявшись за горло бутылки, за стеклянное алое горлышко... Читай дальше и живо убегай. Нас преследуют!

ЛИНДА. О, боже! «Двадцать девятое августа. Таинство моих страшных снов. Таинство убийства. Я устал. Я боюсь ложиться в кровать даже при дневном свете. Меня одинаково страшат и невыносимые сны, и Линдины тёмные очки. Проснувшись и раздуплившись после увиденного, я думаю всегда о том, что же приятнее: входить в зону опасности или выходить из зоны безопасности? Сегодня я увидел во сне, как Линда купила утку в яблоках и бутылку салатного вина. Она зашла в комнату, где я убиваю свою бабушку, и выбежала из квартиры, оставив на полу мёртвую птицу.

Тридцатое августа. Таинство моих страшных снов. Сегодня не было никаких гнусных кошмаров и адских преследований. Нужно пойти в тёмный лес...» Матерь Божья! Павлик! Это же сон накануне нашей свадьбы!

ПЕЧЁНКИН. Так и есть. Беги дорогая! Время нам уже неподвластно...

ЛИНДА. Ты же рассказывал совсем про другое. Ты рассказывал, как перед нашей свадьбой тебе снилось, как вы с бабушкой, у которой ты прописан, не с той, которая алкоголичка, с другой, пошли в шатёр, где выступал приезжий цыганский цирк с гномами

и лилипутами. Тебе хотелось бросаться в них камнями или конфетами, но те не долетали в фигурки нарядных уродов... Вот, что ты рассказывал мне...

ПЕЧЁНКИН. Прости меня, голубушка. Я соврал тебе. Я не мог такое рассказать перед нашим счастливым Днём!

ЛИНДА. Павлик, я боюсь таких сновидений... Ты снова устал. Как ты измучался!

ПЕЧЁНКИН. Линда, нужно спешить. Вот наши новые документы (*протягивает свёрток*). Беги скорее!

ЛИНДА. Паша, я люблю тебя! Я схожу с ума без тебя!

ПЕЧЁНКИН. Ты мой герой, ты мой кокаин!

ЛИНДА. Герой мой, будь моей смертью!

ПЕЧЁНКИН. Моя жена и моя жизнь! Через вену любовь попадает в центр мозга. И я становлюсь лучшим, нежели мёртвый без тебя...

ЛИНДА. Любовь моя неземная!

ПЕЧЁНКИН. Всё, хрюшечка, убегай!

ЛИНДА. Пашка!

Линда поднимается на верхний ярус и скрывается за деревьями. Печёнкин остаётся один.

ПЕЧЁНКИН. Утром мы про всё забудем. Нам никто не напомнит про ограбление лесного банка, про странную ночную выходку. Но вместо обыденных дел, вместо похода в преисподнюю, с песнопениями первых фазанов, мы отправимся невзначай прогуляться. Жителям нашей родины строжайше запрещено нарушать устоявшийся порядок. Следовать указаниям и выполнять правила режима – послушные дети вырастят самыми праведными. Любые отклонения от канонов – мы никогда не превратимся в мужчину или женщину, в рабочего или рабочую, в отца или мать, в вечных любовников. Иногда мы безвозвратно пропадаем. Предположительно, нас похищают, нет, не цыгане, а вот эти самые маргиналы или сатанисты! Что происходит с похищенными далее, никто не знает. Наверное, этих непослушных вырожденцев маргиналы сажают попой на клык дикого кабана, насилуют, а затем, заживо съедают. Хотя это, я думаю, самое легкое наказание, когда недисциплинированные простачки отделяются лишь травматическим шоком и двухдневной агонией.

Данное неизведанное происходящее как раз больше всего и пугает, дисциплинирует нас. Про самих маргиналов никто ничего толком не ведаёт. Известно лишь, что они живут где-то в самой глуши техасского леса. Грибники и ягодники видят их пару раз в год. Маргиналы иногда спускаются к лавкам, к аптекам, к банку, иногда к лесному озеру. Но в таких случаях местные жители прячутся, запираются на засовы в своих кокосовых хижинах, закрывают ставни и дымоходы. А из ставен всех лавок и аптек появляются длинные стволы дробовиков, из дул которых ебашит в пустые головы очередь сушёного гороха.

С верхнего яруса, крадучись, спускаются на нижний Старый Вик и маргиналы.

ПЕЧЁНКИН. Нужно свернуть на кривую тропинку, а затем спуститься вдоль просёлочной колеи, ведущей к истоку отравленного ручья... В самую глубь техасского леса. Эх, и убогий я! Побоялся жене до конца признаться....

ВИК. Здравова, Павел Ильич!

ПЕЧЁНКИН (*роняет двустволки на землю, испуганно шепчет*). Здравствуй, Старый Вик! Вот, как договаривались – чемодан с бабками...

ВИК. Чау, мёртвый муженёк! Ну ты и придурок, Печёнкин. Думал, я ничего не прознаю, не догадаюсь. Даже на свадьбу не пригласил. Обхитрить думал Старого Вика? Съебаться от меня с награбленными в лесном банке бабками? Ты же знаешь, я не терплю хитрозадых наёбщиков! *(Стреляет в Павла)* Твоё последнее желание, мертвец?

ПЕЧЁНКИН. Я..я..я...ящик ЛСД! Линда! *(Падает на чемодан)*

ВИК *(маргиналам)*. Догоните бабу и приведите в мою старую хижину. Прошмандовка не успела далеко уйти! А я пока отнесу туда этого отсосника. Закину себе на плечи и поволоку. Как крест свой позорный!

6. ХИЖИНА СТАРОГО ВИКА

Нижний ярус – круглая сауна с бассейном, в котором плавают кожура от банана и тело Печёнкина. На лавочке у бассейна лежит связанная полуобнажённая Линда с кляпом во рту.

Верхний ярус – балкон или мансарда хижины с дубовым столом. С перил балкона выглядывает Старый Вик. Он одет в серый балахон с капюшоном. Маргиналы без эмоций сидят за столом в твидовых сарафанах. Наряды маргиналов не имеют важного значения. В руках у одного из них полтора-метровый бильярдный кий с остриём. Линда пытается прокричать длинную фразу сквозь кляп.

МАРГИНАЛЫ. Что она там щебечет?

ВИК. Она говорит, что по вечерам все маргиналы собираются на втором этаже огромного дома, стоявшего мрачной скалой в самой глуши техасского леса. Они садятся за широкий дубовый стол и, словно маркизодесадовские разбойники, начинают колоть орехи.

МАРГИНАЛЫ. Эй, Вик! А что если нагрянет полиция? Они же ищут преступников, ограбивших банк.

ВИК. Если вломятся фараоны, мы ничего не знаем. Бабу придётся убить и закинуть в бассейн к её мужу. Скажем, что трупы этих голодранцев нашёл возле калитки хижины наш охотничий пёс и заташил в дом...Блять, вы что, дети безмозглые? Какая полиция проберётся в жилище Старого Вика?

МАРГИНАЛЫ. Вик! А в бассейне же наблёвано. Там даже презервативы использованные валяются. Почистить бы тут всё...

ВИК. Заткнитесь, тупицы! Ну и что? Дело же не в чистоте. Вы окунёте тело несколько раз, и наступит очищение. Очищение, которое необходимо этому мёртвому путнику.

МАРГИНАЛЫ. Слушай, Вик! Ты же здесь больше не живёшь. Если эта сучка пришла именно к тебе в гости, мы выгоним вас... И мёртвого своего забирай!

Вик снимает капюшон, спускается по винтовой лестнице к бассейну, достаёт из кармана тонкую трубку, в которую насыпает порошок из треугольной шкатулки. После двух затяжек старик подходит к Линде, берёт связанную на руки.

ВИК *(кивая в сторону Печёнкина)*. Увы, он сегодня не мой гость!

Уносит Линду из хижины. Маргиналы начинают тыкать кием в тело Печёнкина. Прижимая его ко дну бассейна. После каждого окунания тело Печёнкина всплывает.

Первое окунание.

МАРГИНАЛЫ. Помогите мне! Я Павел Печёнкин! Наверное, я умираю!

Второе окунание.

МАРГИНАЛЫ. Не умирай, Павлик Печёнкин! У нас здесь так классно! У нас здесь так много развлечений и запретных плодов.

Второе окунание.

МАРГИНАЛЫ. Здесь столько классных сисястых шлюх, готовых ежесекундно давать каждому просящему! Здесь навалом космических наркотиков и срывающей рассудок выпивки!

Третье окунание.

МАРГИНАЛЫ. А сколько грязного и мерзкого, сколько юродивого и божественного в этих стенах! Сколько непонятого таится за пальмами этого леса! Сколько жаждущего и плотского скрывается в этих глубинных норах! Если бы не жители этого мира, изгнавшие наших предков после того, как одним рождественским утром Старый Вик изнасиловал в коровьем хлеву слепую и доверчивую нищенку, мы бы никогда, слышишь никогда, не познали этих сладких плодов нашего блядского существования!

Четвёртое окунание.

МАРГИНАЛЫ. Топинамбурными факелами! Горящими, как языки Нептуна, стеблями! Жители мира, ценящие порядок и благонадёжность, скромность, и честь, выжгли всем друзьям и подругам, заступившихся за Старого Вика, глазницы!

Пятое окунание.

МАРГИНАЛЫ. Мне страшно! Бабушка, Павлику страшно!

Шестое окунание.

МАРГИНАЛЫ. Не бойся, Павлик! Это не страх! Мы искренне благодарим их всех за предоставленное нам изгнание! Мы, маргиналы техасского леса, выходим в деревню, только сказать, что не в обиде за их ненависть!

Седьмое окунание.

МАРГИНАЛЫ. Будь спокоен, милый Павличек! Ты просто смелая сказка, летящая в пустое пространство! Нам так здорово было наблюдать за тобою, сладко улыбающимся в кошмарном сновидении! Ты помнишь меня? Я тот негодяй с дырявым башмаком на голове и изумрудной клипсой в ухе, пугающий тебя монстр, выходивший из-за Дубовой Горы.

Последнее окунание.

МАРГИНАЛЫ. Смерть не забирает людей, не лишает их жизни. Смерть перегоняет мёртвых на другое пастбище!

Один из маргиналов переворачивает тело Печёнкина животом вверх и протыкает его кием. Маргиналы крестятся и покидают мансарду.

7. ВДОВА ПЕЧЁНКИНА.

Декорации хижины Старого Вика. Линда в траурном платье выглядывает с балкона, глядя длинный кий. Внизу панк Соус чистит бассейн, усыпанный дикими чёрными розами.

ЛИНДА. Вот теперь-то всё прояснилось. Старый Вик рассказал мне всю правду. Я рыдала тридцать девять дней. И на сороковой день гибели моего покойного мужа, я смогла всё осознать и понять, что со мной будет дальше и как мне жить в этом безмозглом мире.

СОУС. Если бы я был женщиной, я бы обязательно сразу же пошёл работать в продуктовый магазин. Хотя бы фасовщиком мясных изделий. Бабушка говорила мне, что

если я не поступлю в институт, то пойду чистить свиные и телячьи кишки на колбасное производство. Но на сегодняшний день такого уже в городе не существует. А что! В мясном отделе совсем не пыльно, а детей и мужа кормить приходится всю жизнь... Какая странная роза, без острых шипов и тухлая от воды.

ЛИНДА. Вик показал мне недостающие страницы из дневника Павла. Там подробно изложено, что произошло с его бабушкой. Оказалось, однажды покойник хотел вложить в одно криминальное дело определённую сумму денег. Но в те голодные безработные годы, не украв и не схитрив, такого счастья добиться было попросту невозможно. Деньги не растут на пальмах и не свисают с крыш. Паша знал, что у бабушки уже составлено завещание, согласно которому ему достанутся все накопленные в долларах сбережения, а также однокомнатная квартира в Пьяном дворе. Как раз в моём подъезде. Он не мог долго ждать. Вот только бабка не собиралась на заслуженный покой. И это были сущие враки, что старуха беспробудно пила. Она являлась милой соседкой старой закалки, ветераном труда, обладательницей чемпионского всесоюзного звания по прыжкам в воду, любительницей вкусняшек и юмористических передач по телевизору. Вокруг смеха, Аншлаг, Смехопанорама, Кривое зеркало, хохотливое Шоу Сергея Дроботенко!

СОУС. А я знаю анекдот один пиздатый. Ёж со Слободы в хабзае услышал. Короче, летит матная ворона. Летит себе такая весёлая, крыльями машет. И тут внезапно врезается она в дерево со всей дури. Ну, естественно, птица падает на землю, приходит в себя, очухивается. И говорит такая: «Кар! Нет, не кар...Гав! Нет, не гав...Мяу!? Тьфу, блять, зноўку нашу родную мову забыла!»

ЛИНДА. Когда мы учились в школе нам постоянно трындели, как нужно уважать пожилых. Даже на географии и уроках пения. У меня не было ни бабушек, ни дедушек. Они все поумирали задолго до моего рождения. А Печёнкин воспитывался только бабушкой. Её звали Клавдия Ефимовна Печёнкина. Она очень любила внука. Настолько любила, что продала домик в деревне и переехала в новый спальный район. Но кто бы мог подумать, что это будет Техас со своими жуткими правилами Дикого Запада. Павлик вырос, набрался хорошего и скверного опыта, но, чтобы не обижать бабулю, он от неё всё самое мерзкое скрывал и постоянно лгал. Дома Печёнкин разыгрывал из себя паиньку-заиньку, разговаривал с Клавдией Петровной на языке Гоголя и подлизы, ходил с ней в католическую церковь и в клуб «Дружба», где деток и пенсионеров учили авиамоделированию, и, даже, что по его признаниям было самым тяжким, каждый вечер смотрел с ней Дроботенку...

СОУС. С тёлками нужно быть по наглее, по напористее. Иначе, они не будут нас уважать. Бегал как-то я за одной. Ничего такая, фигурка шик, ножки, как у горной лани рожки. Не важно. Так вот. Встречались мы месяца три, за ручки всё ходили, иногда сосались бухие. Но очень мне, как любому мужику, хотелось её...Ну сами понимаете...А она постоянно отмазывалась, избегала наедине вдвоём оставаться. А мне ещё больше хотелось. Это психологический механизм такой у человека, если дразнят, то нужнее становится и чешется...Короче, поехали мы с тёлочкой за город в поход панковский. Набрали спирта на точке, батон, майонезов, роллтонов, зельцев всяких. Даже топора не взяли. Нахуя, панкам топор! Естественно, не только с ней вдвоём поехали, с другими панками ещё. С Ежом, Пыжом и Ножом... Нож дохуя ацетона у дядьки из гаража вынес, помню. Но я тогда не по этим делам был. Мною в том лесу одолевала лишь единственная цель – ночью раскрутить барушку на секс... Набухались мы тогда в калину, не без этого. Кто сразу отрубился, кто место стал искать для ночёвки поудобнее. Хотели у костра сначала лечь, чтобы не мёрзнуть, ведь у нас даже палаток никаких не было. А Пыж, сука, наблевал вокруг кострища. Да, точняк, майонезом и «роллтиком», походу. Хотя, похуй...Легли мы с

ней спать. Я её лапаю такой, руки суну, а она всё отворачивается, руки мои убирает, не хочет, как я понял. Я ей шепчу, ну что ты, мол, так себя ведёшь, давай уже. А она, не хочю тебе ничего давать, отъебись от меня. Я её и просил, и умолял, унижался, одним словом. А чувиха, такая, нет, блять, никуя, у меня голова болит. И тут я рассвирипел бухой. Ебанул в глаз кулаком и всё высказал. Не нужна мне такая, говорю, пойду лучше к той, у которой голова не болит. Сказал и ушёл ночью в темноте бухой в город. Иду, ветки по ебальнику бьют, обо пни и коряги спотыкаюсь всякие, а сам думаю, вот, ебанат же я. Где-логика-то! К кому это я пойду? Ведь в этой глуши вообще никого нету. Кроме меня, её, ну и Ежа с Пыжом и Ножом бухих... Не ну, что не прав, что ли? Перед бабой прогибаться, нехуй мне делать...

ЛИНДА. Мудак ты, Соус! Ой, мудак! Печёнкин, хоть и тварь конченная, но он никогда не был таким. Он ценил женщин, на горбу их таскал, обманывал постоянно, но не предавал. Он боялся, что, если руку на кого поднимет, она у него онемееет и почернеет...

СОУС. Чего это я уже мудак? Подумаешь, бабу тупую проучил...

ЛИНДА. Заткнись, уёбок. Когда Печёнкин в молодости ходил в походы с друзьями, у них у каждого было по топору. А у нас тогда – ни одного... Заткнись и слушай внимательно, что натворил этот негодяй!

СОУС. Ну ладно... Валяй...

ЛИНДА. Если ты, тварь, не веришь мне, поверь тогда дневнику Павла Печёнкина! Приключения Павла Печёнкина в стране Маргиналов! Неизданное... (*Читает наизусть*) «Девятое мая. Таинство преступления и совести. Когда я увидел первый свой страшный сон, я сразу понял – «вышел» старый Вик. А это значит, мне придётся платить по долгам. Вик ужасный человек, он владеет гипнозом и огромной силой... Десять лет назад, я задумал толкать на районе наркоту... Организовать Техасскую Наркокартель. Ментов я бы подкупил, но где достать столько денег для первоначального товара и взяток? Требовались срочные инвестиции, неприметная квартира и трезвый дух. Я задумал убить Клавдию Ефимовну. Я сильно любил эту женщину, но смерти её желал более. Она незаметный след в этом мире, отживший своё, просроченный материал. Иного выхода я не видел... С Виком мы придумали отличный план. В дождливое серое утро я отправляюсь на приём к дерматологу в кожный диспансер, а убивать Клавдию Ефимовну вызвался Старый Вик. Он отсидит, получит 30.000 евро, долю моего бизнеса, и мы будем квиты... Старый Вик просто зашёл в незапертую квартиру, а бабушку, смотревшую выступление любимого юмориста, огрел ломом по голове. Украл золотишко и пенсию, не забыв при этом оставить кучу своих отпечатков. Гениально!.. Прошли годы, бизнес мой я проиграл в бильярдной. Деньги пропил и проторчал... Я не хожу на могилу к бабушке, не молюсь Всевышнему, за её безвинную жертву и мой тяжкий необузданный грех! Я, боюсь божьей кары, но больше всего ужасаюсь своего чёрного кредитора. Если я не верну Вику эти деньги, я потеряю мою, хрюшечку, Линду, а также свою жизнь. Прости меня, моя любовь!»

СОУС. Ты простила мужа, Линда?

Линда молчит.

СОУС. И что же теперь, ты останешься с Виком?

ЛИНДА. Милый Соусик. Я не решила. В Бразилию я точно не поеду. Все деньги забрал хозяин этой хижины. Мне так хуёво. Так паршиво... Старик пообещал, что отмажет меня от ограбления... Я не знаю...

СОУС. А я одно только знаю. Если бы я был женщиной, я никогда бы не раздвинул ноги перед огромными возможностями и хитрыми мудаками. Я бы боролся, отчаянно боролся

за свою любовь! Будучи женского пола, я бы ни за что в жизни не факал клей, и не открыл двери своей квартиры причудливому незнакомцу.

ЛИНДА. Вик загипнотизировал Павла во сне. Он напугал его, и заставил ограбить лесной банк...

В хижину входит Старый Вик.

ВИК. Вдова Печёнкина, на выход! Наша карета подана!

Уходят втроём из хижины.

ЭПИЛОГ.

Декорации Пьяного двора и квартиры Печёнкина.

На дворницкой будке сидит Жёлтый Бэн с бутылкой вонючего вина. По середине двора припаркована дорогая машина, в салоне которой находятся Линда и старый Вик. Они солидно одеты, в отличие от Жёлтого Бэна.

ЖЁЛТЫЙ БЭН. Со стороны мельницы прокричал пингвин. Уиу! Залетевший на ветку сирени дятел клюнул в глаз маленькую сороконожку. Утреннее солнце делилось своими острыми лучиками с жителями Пьяного двора. Начинался очередной, вселяющий скромные надежды, рассвет!

В салоне машины Линда делает Вику что-то наподобие минета. Слишком низко согнулась она над коленями мерзавца, так что толком ничего не видно. Но заметно, как старик тащится и гладит макушку женщины. Мгновение – пара выходит из машины. Линда достаёт из багажника пакеты, Вик включает брелоком охранную сигнализацию и застёгивает ширинку. Они поднимаются в бывшую квартиру Печёнкина, на верхний ярус.

ЖЁЛТЫЙ БЭН. Я–весёлый трубочист Миккиус, убирающий пчелиный воск на крыше дома напротив. Я видел, как Смерть зашла в дворничью будку с заряженной двустволкой. Я даже заметил, что Смерть, чем-то встревоженная, совсем не поздоровалась со мной, а под прозрачной ночнушкой у неё ничего не было, ни бюстгальтера, ни панталон. Через десять минут в будке раздался выстрел. На крыше из рисовой трубы, словно ошалелая, вылетела стая чёрных мошек...

Линда и Вик заходят в квартиру. Целуются. Линда отдаёт пакеты Вику, подходит к тумбочке, резко хватая фоторамку с портретом Сергея Дроботенки и выкидывает в окно.

ЛИНДА. Там-блям-раз-два-три-пять, там-блям-восемь-девять, виу-тиу-свиу!

Портрет Дроботенки падает в детскую песочницу. В это же время пьяный Жёлтый Бэн сваливается с будки. Ползёт к песочнице, поднимает и обнимает «Дроботенку».

ЖЁЛТЫЙ БЭН (поёт баритоном). Две рюмки яда-ада!

Наполненные луны

Ждут двух отважных важных

Шутов в гиен наряженных
В Плутоны и Сатурны
Петлём греху угодной
Свисаю над землёй
Ты кажешься мне сводной
Сестрою не родной
Ну всё я умираю
Ну всё, подлец, прощай!
На пиколле играю
Пеку рай-каравай!
Бля бимоль,
Смерть-аккорд,
Ебанутый торт.

*алый занавес.
Ж.Кл. Июль-Октябрь, 2015.*